

Кирилл ЛАВРОВ:

Надо уметь прикидываться

Моск. правда. - 1996
17 апр. - с. 7

МАСТЕРА

Мы уже рассказывали о том, что происходит сегодня в Большом драматическом театре в Питере. Предлагаем вашему вниманию вторую часть беседы с Кириллом Юрьевичем Лавровым, в которой он уже предстает перед нами не как художественный руководитель БДТ, а как один из любимых артистов.

- Кирилл Юрьевич, о чем вы думаете по ночам, когда не спите?

- О том, пожалуй, что век актера очень короткий. Ушли из жизни многие друзья - Смокуновский, Борисов...

Товстоногов действительно создал звездную команду. И очень хочется, чтобы эти талантливейшие люди сыграли как можно больше ролей.

- У каждого артиста наверняка есть свои маленькие секреты. Как вы работаете над ролями? Как настраиваетесь перед выходом на сцену? До какой степени удается перевоплощаться в другого человека и что вы при этом ощущаете?

- Тот, кто говорит, что он на сцене становится совершенно другим лицом, наверное, не совсем правдив. У артиста всегда существует внутренний самоконтроль. Я чувствую отношение зала - попал в волну или нет. Это все-таки профессия, а не какое-то шаманство в чистом виде, когда тебя вдруг... не стало. Но вершина мастерства - это когда создается ощущение в зале (а не внутри самого актера), что перед нами - совсем незнакомый человек. На моей памяти, пожалуй, это было, когда Смокуновский играл Мышкина в «Идиоте». Становилось несколько страшно - я видел не Кешу, а совершенно незнакомого Мышкина.

- Вы вспомнили Смокуновского, а с кем еще из актеров вам нравилось работать?

- У нас замечательная труппа. Мы все воспитанники одной школы и поэтому работаем друг с другом удивительно легко, чувствуем партнера, всегда стараемся сохранить живые отношения на сцене, будь это 200-й или 300-й спектакль. Этого всегда требовал Георгий Александрович. Я, конечно, встречался на съемочных площадках со многими артистами, но всегда получал радость от работы с «нашими», настолько мы близки.

- Кто из режиссеров, кроме Товстоногова, оставил существенный след в вашей жизни?

- Режиссеров действительно было много. Особенно в кино. Но штука в том, что в театре каждая роль - это новый класс в вашем образовании, какое-то приобретение. А кино эксплуатирует то, что уже наработано.

Однако были Личности... Ну, например, Иван Пырьев (мы с ним работали на «Братьях Карамазовых»). Человек известный своим крутым нравом, он ходил по площадке с палкой, кричал, все его боялись. А мне всегда было смешно, когда он закатывал очередной скандал. На меня он почему-то голоса так ни разу и не повысил. Я вообще не переносу, когда на меня кричат.

- А вы вообще когда-нибудь входили в конфликты с режиссерами?

- Я всегда, уж если взялся работать и вступил в этот брак, стараюсь доверять режиссеру

ным. Мы всячески старались его утеплить, грубые реплики вымарывали. А потом пришел Товстоногов и сказал: «Ну что ж, Кира, у тебя получился очередной 1001-й положительный герой. А давайте попробуем его оставить таким

сы, так нельзя жить в этом обществе, ты так ничего не добьешься». Шарканье Молчалина - это продуманная программа добычи чинов и степеней. Именно внутреннее ощущение ума, своей неординарности, превосходства и

Алла Демидова замечательная. А какой юмор, какие подтексты...

- Кирилл Юрьевич, в процессе работы вы ощущаете себя счастливым человеком?

- Если хорошо сделана роль, если правильно выстроена внутренняя жизнь героя, то это, конечно, наслаждение. Удовольствие творить на сцене. Потому что тогда все внешние средства выразительности получают органическое наполнение. Мне все равно, буду ли я сидеть или стоять, я могу встать и уйти, могу кричать или говорить шепотом. Нет никаких штампов - герой просто живет. Сегодня так, завтра иначе.

А бывает ведь в театре, когда «вот так поставлено - и все». И актер 100 раз работает один в один, с одной и той же интонацией, заучено. Но это недорогого стоит. Тогда творчество превращается в каторгу.

Товстоноговские спектакли всегда славились жизнью.

- Вы пытаетесь понравиться зрителям?

- Никогда. Для меня главное - точное выполнение задачи.

- А когда вы играете отрицательных героев, то эмоции, которые вы проживаете на сцене, не разрушают вас потом как человека?

- Нет. Это все-таки профессия. Надо уметь «прикидываться». Если бы все роли оставляли во мне следы, как в Лаврове, то что же это был бы за человек?

- Вообще никаких следов не остается? Вы только чистый инструмент, проводник?

- Бывают такие роли, такие персонажи, которые у меня как у человека вызывают симпатию. И иногда хочется быть на них похожим в жизни. Такое бывает.

Вообще, когда я начинаю работать над новой ролью, и это особенно чутко улавливает моя жена, во мне многое меняется. На время. Походка, например. Я могу сутулиться или, наоборот, ходить неестественно прямо. Я ишу. И начинаю с пластика персонажа. Его пластическое выражение (внешнее) помогает родиться чему-то внутреннему. А поскольку ишу я постоянно (в трамвае, за столом, когда гуляю), то и в жизни становлюсь другим.

В спектакле «На дне» я играл хозяина ночлежки. Горький, моему, когда писал его - ненавидел. А я его сделал веселым, любящим своих постояльцев. Да он умрет, если они разойдутся в разные стороны, ему нечем будет жить. Интересный получился характер...

- Кирилл Юрьевич, вы весь в работе и на работе. А еще для вас какой-нибудь параллельный мир существует?

- Мы все нормальные люди, у каждого семья, дети...

- И какая часть от вас достается семье?

-... Очень маленькая. Да, наверное, очень маленькая. Артист и дома - все время в работе. Все идет от головы и через голову. И если эту постоянно думающую голову не посетит что-нибудь, не озарит нечто свыше, то роль может остаться нелюбимой. И вот тогда на спектакль будешь идти как на каторгу. А если найдешь, то роль удалась. Состоялась. И вот тогда это Счастье.

Елена КУРБАНОВА.
Фото Г. ШПУНЬКИНА.

максимально и выполнять то, что он хочет. Но это не значит, что не может быть разночтений. Даже с Товстоноговым так бывало. Но Георгий Александрович обладал феноменальной способностью убеждения и простой логики. Он настолько обезоруживал своими доводами, так темпераментно и талантливо умел объяснить свою позицию, что ты невольно понимал: «Я - кретин». Причем он никогда не говорил заумно, логика была абсолютно железная и простейшая, но очень точно выбранная и правильная. Поэтому спорить с ним было сложно. Но я спорил, что греха таить.

- А не припомните момент, когда он сумел вас переубедить?

- Репетировали «Океан» Штейна. Начинали с другим режиссером, его помощником. Я играл Платонова. И он казался нам скучным, серым, неприят-

прямолинейным, резким, каким он написан у Штейна. Но поступки он будет совершать честные, справедливые». И тогда сразу возникла глубина, объем. Ушла схема. Мне было сложно отказаться от старой наработки, тем более что Георгий Александрович запретил мне в этой роли улыбаться. И вот на спектакле, когда герой Сергея Юрского говорит грубому Платонову: «Когда такие, как ты, говорят «нет», мне хочется говорить «нет», и когда они говорят «да» - мне хочется говорить «да», в зале вдруг возникли аплодисменты. И я понял, что Товстоногов опять выиграл. Это одна из моих любимых ролей.

Или в «Горе от ума», когда Георгий Александрович предложил Молчалина сделать самым умным из всей компании. И во втором акте Молчалин жалеет Чацкого, идет внутренний подтекст: «Идиот, кретин, куда ты рвешь-

сделало Молчалина необычным.

Тогда все сразу заговорили о новом открытии персонажа. Газеты писали, критика хвалила. Вот такой урок преподавал мне режиссер.

Кстати, этот Молчалин оказался очень современным типом. Я позже познакомился с подобными чиновниками, играющими в аналогичную игру.

- Вы любите фильм «Стакан воды»?

- Мне нравится эта работа. Нравится и Карасик - режиссер очень одаренный, но с очень сложным характером. Он... истерик на площадке. Бывает несправедлив и капризен. Может, это связано с трудностями нынешнего съемочного процесса? Вот с Карасиком у нас действительно были столкновения. Хотя расстались мы в хороших отношениях, и я его очень ценю как режиссера. «Стакан воды» - да там и материал прекрасный, и